

Церковное и светское в гуманитарной науке. Выступление митрополита Волоколамского Илариона в РГГУ 10 марта 2011 года

Уважаемый Ефим Иосифович, уважаемые коллеги, дорогие братья и сестры – преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты Российского государственного гуманитарного университета!

Я рад возможности выступить в вашем университете, заслуженно пользующемся славой одного из лучших высших учебных заведений нашей страны. Церкви близка цель деятельности РГГУ, заявленная в программе вуза, – возрождение духовности образования в третьем тысячелетии, стремление к такому образовательному процессу, который развивает человека, его душу, сознание, творческие способности. Нам близки и понятны такие характеристики высшего образования РГГУ, как междисциплинарность научных исследований, интернационализация гуманитарного образования. По сути дела, схожие задачи поставлены Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом перед Общецерковной аспирантурой и докторантурой имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия – новым учебным заведением Русской Православной Церкви, которое я представляю здесь как его ректор.

Когда в последнее время говорят о том, что нам нужно поддерживать науку и молодых ученых, к сожалению, чаще всего ведут речь о естественных и технических науках. Это отражает тесную связь между естественнонаучной деятельностью и экономикой. Понятно, что без физики, математики и химии невозможен технологический прогресс, невозможно развитие материальной основы человеческой цивилизации. Но нельзя забывать и о той роли, которую играют, тем более, призваны играть гуманитарные науки. Может ли общество развиваться только за счет технологий, не имея прогресса в постижении собственного устройства, в изучении человеческой мысли, души, духа?

Мне кажется, что для присутствующих здесь заданные вопросы являются скорее риторическими. Но необходимо задать целую серию новых вопросов, отчасти носящих уже внутрикорпоративный характер: соответствует ли гуманитарная наука тем ожиданиям, которые имеются у общества? В последние два десятилетия гуманитарные специальности стали более «модными». Получить гуманитарный диплом стало престижнее и одновременно, к сожалению, проще, чем диплом по естественнонаучным специальностям. В чем здесь дело? Думается, что эти процессы во многом связаны с потерей гуманитарной наукой своих отправных точек, своих концептуальных оснований. В то же время наше общество нуждается в сильной гуманитарной науке, которая позволила бы

придать ему новые качества и свойства: не в материальном отношении, но в его устройстве и в его идейных основаниях.

Согласно христианскому вероучению, Церковь является *столпом и утверждением истины* (1 Тим. 3. 15). Именно стремление к истине объединяет Церковь и науку, в том числе гуманитарную.

Церковь, как и общество, нуждается в гуманитарной науке – в частности, в истории. Жизнь церковная строится на предании: ее настоящее укоренено в прошлом. Но ведь и развитие науки фактически строится на своеобразном научном «предании» – традициях, аксиомах каждой конкретной сферы научного знания. Как прекрасно показали философы науки XX века, интуиция в научном знании имеет огромное значение. Карл Ясперс обосновывал совместимость веры в Бога и веры в науку, а Майкл Полани писал о неявном, скрытом знании, которое присутствует не только в жизни любого мыслящего человека, но и в работе каждого ученого.

В церковном гуманитарном исследовании этого неявного становится все больше по мере того, как исследователь приближается в предмете своего изучения к Богу. Если, например, вопросы социальной структуры церковного прихода могут быть изучены обычными методами социологии, то в исследовании вопросов вероучительного предания богослов уходит в сферы, которые требуют особой духовной концентрации, хотя и не отменяют общенаучных методов и подходов. Но именно в таких особых сферах наиболее интенсивно проявляется знание неявное, интуитивное. Здесь к науке присоединяется творчество. И первый, и второй пример – из сферы церковной науки, и они отражают, сколь различной может быть степень предметной и методологической «церковности» в таких изысканиях.

Важно сказать о том, что история, философия с одной стороны, и богословие – с другой часто имеют дело с одними и теми же историческими личностями, выразившими конкретные взгляды, создававшими конкретные творения. Обращенность к сходной проблематике позволяет нам поставить богословие (или теологию) в один ряд с другими гуманитарными науками и считать его самостоятельной гуманитарной наукой – не междисциплинарной сферой, не областью практического знания, а именно полноценной наукой.

На основании того, что важное место в богословии занимает догматика, нельзя обосновывать «ненаучность» богословия. Любое богословское знание подвергается рецепции конкретными живыми людьми. Выдающийся российский церковный историк и богослов Николай Никанорович Глубоковский писал: «Жизнь как глубочайшая тайна Божия обязательно есть неизменный запрос и непрестанный допрос о ее разуме и цели для всякой рассуждающей мысли. Поэтому и русское богословие никогда не ограничивается констатированием и обобщением, а всюду старается проникнуть внутрь предметов и обнаружить идейную их основу». Именно это «обнаружение»

идейной основы сближает церковную и светскую гуманитарную науку.

Богословие, по сути дела, является всеохватывающей отраслью гуманитарного знания. Оно смотрит на все: на человека, общество, природу – через Слово Божие, через систему религиозных взглядов и ценностей. Поэтому теснейшим образом богословие связано с историей, лингвистикой, искусствоведением, социологией, психологией. Будучи выражением церковной мысли, богословская наука стремится в каждую из этих наук прийти со своим собственным мериллом – мериллом церковности.

С богословием тесно связана история. Церковный историк и богослов Михаил Эммануилович Поснов подчеркивал нераздельность предмета церковной и светской исторической науки. В своей «Истории Христианской Церкви» ученый отмечал: «Церковному историку нужно немало внимания, старания, искусства и опытности, чтобы выделить церковно-исторический материал из светского и, при выяснении актов и событий одновременно религиозного и политического значения, настолько вводить гражданский элемент, насколько это является существенно необходимым для правильного понимания и освещения церковных данных».

По сути дела тем же занимается историк экономического развития, историк искусств и т.д. Но историку Церкви также приходится иметь дело со сферой нравственного выбора, духовным смыслов. Он вынужден учиться различать в историческом процессе добродетель и порок.

В большинстве случаев для изучающего собственно Церковь, ее прошлое, ее язык, ее устройство в настоящем церковная среда будет основной средой обитания. Все это не диктуется ни законодательством, ни каким-то писанным уставом, но становится само собой разумеющимся, как, например, человек, изучающий Рим не может не побывать в Риме. Хотя, конечно, в советское время многие наши ученые были лишены такой возможности: изучая те или иные культуры, они не имели возможности соприкоснуться вживую с этими культурами.

Такой ход деятельности исследователя еще не означает обретения веры. Но если дистанцироваться от предмета своих изысканий, отторгать его от себя, вряд ли это будет способствовать положительному ходу исследований. И напротив, «вживание» в предмет своего изучения, как показывает опыт, может вести исследователя от знания к вере. В этом случае светское («чистая наука») и церковное (наука, имеющая религиозное основание) могут гармонично сочетаться. В идеале светская и церковная гуманитарная наука могли бы различаться лишь стилистикой. В этом случае различия между ними будут не больше, чем между двумя разными научными школами.

Таким образом, светскость и церковность в гуманитарной науке – это своего рода два полюса ее.

Главное – избегать крайностей, при которых наука перестает быть наукой. Без доказательной базы, без аргументов и строящаяся только на вере наука перестает представлять собой науку (и такие крайности иногда встречались в церковной среде). Если же наука отрывается от нравственных и духовных основ, превращается в самоцель, то это тоже уже не наука.

Произошедшее в нашей стране в советское время отчуждение светской и церковной науки – совершенно искусственное, преходящее явление. История российской дореволюционной науки знает прекрасные образцы совмещения светского и церковного. Например, выдающийся историк Василий Осипович Ключевский был не только профессором Московского университета, но и профессором Московской духовной академии, а Петр Васильевич Знаменский преподавал в Казанском университете, будучи профессором Казанской духовной академии. Есть и сейчас такие образцы: людей, которые совмещают служение в светских и духовных учебных заведениях.

Опыт западных образовательных учреждений показывает, что в одном университете могут сосуществовать несколько разных богословских факультетов трех христианских конфессий. На каждом из факультетов сосуществует, чаще всего, светское и церковное. Таким университетом является, например, Пражский, один из старейших в Европе. Институционально при этом теология получает поддержку и государства, и той Церкви, учение и позицию которой она представляет.

Наука сама умеет регулировать степень светскости и церковности, ее определяют стены того или иного учебного заведения, ведомственная принадлежность, традиции. Так происходит и в случае с людьми, которые либо из светской науки приходили и приходят в церковную, либо наоборот. Такие обмены могут лишь способствовать взаимообогащению.

Например, кажется, что важной задачей российской исторической науки является понимание первопричин постигших нашу страну в XX веке трагедий. Сделать это невозможно, исходя только из анализа экономики или того, что принято было называть «классовой структурой» общества. Увидеть духовные причины катастроф, не имея духовного опыта, невозможно. И в этом светская наука лишь в тесном взаимодействии с Церковью может добиться ответов на многие вопросы, которые до сих пор волнуют мыслящих людей нашей Родины.

Понятие «светская наука» – отнюдь не синоним атеистической науки. Это в идеале деидеологизированная среда (что, конечно, далеко не всегда возможно), где в цивилизованный диалог вступают различные точки зрения на изучаемые вопросы. Светская наука не будет, как правило, вступать в острую межконфессиональную полемику, что, как кажется, допустимо внутри корпорации церковных ученых и в межкорпоративных дискуссиях.

Иначе ли обстоит дело с естественной наукой, в предмете изучения которой присутствует своего

рода «повод» и «аргументы» для атеизма – научное знание об устройении природы? К сожалению, зачастую естественная наука становится оплотом антирелигиозных представлений, но, к счастью, от таких позиций отходят ныне не только многие гуманитарии, но и математики, физики, химики.

Мы помним времена, когда всем нам внушали, что наука доказала, что Бога нет. Говорили, что наука доказала ошибочность библейских представлений о сотворении мира. И мы знаем, насколько натянутыми и искусственными были те аргументы, которые приводились в защиту нашего взгляда. Сегодня в нашей стране есть представители естественно-научных дисциплин, которые не веруют в Бога, и есть те, которые не считают, что данные естественных наук противоречат библейскому откровению.

Так же и на Западе есть множество верующих ученых, которые сосуществуют на одних и тех же кафедрах, в одних и тех же университетах с учеными неверующими. Есть, кроме того, люди ищущие, которые в процессе изучения меняют свои взгляды.

Известный английский физик Стивен Хоккинс, который написал несколько популярных книг по физике и астрофизике, в одной из своих книг, пожалуй, самой известной – «Краткая история времени», почти каждую главу заканчивает вопросом о том, есть ли Бог или нет. И на этот вопрос он не дает ответа. Он показывает, что, по сути дела, естественнонаучное знание открыто и к тому, и к другому ответу. В последнее время он стал говорить о том, что все-таки, с его точки зрения, Бога не существует. Но, кто знает, останется ли он при своем мнении до конца дней или изменит точку зрения.

Если возвращаться к церковной науке, то надо сказать, что после советского периода церковная наука была где-то на обочине, церковные ученые долгое время считались маргиналами. Восстановление признания в течение последних 20 лет проходило с большим трудом. И все же можно сказать, что оно состоялось, так как многие ученые со светским образованием и учеными степенями пришли не просто в Церковь, а именно в церковную науку. Есть и обратное движение, когда, например, выпускники церковного по своему происхождению и духу, но светского по стандартам и правилам учебного заведения, такого, например, как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, приходят трудиться в светские научно-образовательные учреждения.

Преодоление средостения между светской и церковной составляющими единой гуманитарной науки происходит у нас на глазах. Этой же задаче служит и созданная в 2009 году Святейшим Патриархом Кириллом Общецерковная аспирантура и докторантура. Это площадка, на которой светская и церковная наука смогут вести плодотворный диалог. Как церковным людям стоит научиться строгости и четкости, характерной для светской науки, так и светская наука может

оживотвориться и одухотвориться, послушав церковных людей. Обе стороны смогут посмотреть друг на друга с иной точки зрения и получить от этого взаимную пользу.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/55902/>